

Societies of agricultural colonies and craft shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): realization of social expectations

Tatiana A. Kattsina^a

Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a problem of prevention of minor offenders and participation of the public in this process. Object of studying are Societies of agricultural colonies and craft shelters of the Siberian cities (Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk) at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries. With attraction of scientific and publicity literature, documents from the State Archive of Krasnoyarsk Krai the actions of societies directed to establishment of corrective and educational institutions for the children and teenagers who entered the conflict with the law are analyzed. Financing sources, numerical and social composition of societies are defined and analyses, also strengths are shown their weak. Determinants of public work are considered through system of individual characteristics of the personality, an official position, financial position. At an assessment of a role of societies in prevention of offenses of minors, in general as necessary and positive, the factors much reducing them opportunities are noted.

Keywords: Siberia, Society of agricultural colonies and craft shelters, prevention of offenses of minors, corrective and educational institutions for minors.

1. Введение

В позднеимперской России эффективным способом превентивных и реабилитационных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей признавалась деятельность исправительно-воспитательных заведений, где дети

* Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina)

и подростки содержались изолированно от взрослых преступников, а тюремный режим заменялся воспитательным. В начале XX в. 90 % таких заведений функционировало за счет средств частной и общественной благотворительности (Синова, 2012: 56; Фролова, 2015); имело свою историю возникновения и собственный взгляд на меры воспитательного воздействия. В 1870 г. министерство внутренних дел разработало проект земледельческих колоний и ремесленных приютов для малолетних преступников (Павлова, 2003: 326). Целью таких заведений провозглашалось комплексное воспитательно-трудовое воздействие на несовершеннолетнего осужденного, сочетаемое с духовно-нравственным воспитанием и обучением. Сам же процесс создания и функционирования заведений обеспечивали Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее по тексту – Общества). В статье ставится задача: проследить процесс деятельности Обществ в Сибири на стадии организации заведений для несовершеннолетних через анализ ресурсной базы самих организаций, особенности генерируемых ими услуг.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками послужили делопроизводственные документы, депонированные в фондах региональных библиотек и архивов. Уточняющая информация о мерах, предпринимаемых административными органами власти и частными лицами для учреждения в сибирских городах Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов и подведомственных им заведений, получена из фондов государственного архива Красноярского края: «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии» (ф. 216), «Прокурор Красноярского окружного суда» (ф. 516), «Енисейское губернское управление» (ф. 595). Обзорные статьи в официальных изданиях «Журнал министерства юстиции», «Иркутские губернские ведомости» (газета) позволили составить представление о динамике общественных отношений, формах и масштабах работы томского и иркутского обществ.

2.2. Ретроспективное исследование деятельности обществ с точки зрения сочетания внешних и внутренних факторов проводилось с применением логического, историко-ситуационного, историко-сравнительного методов.

3. Обсуждение

Изучение вопросов исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей началось в России со второй половины XIX в., и до настоящего времени эта тема продолжает находить своего исследователя. В монографиях исторического, юридического и педагогического характера (Тебиев, Коркищенко, 2005; Беляева, Фельдштейн, 2007; Mill, 2010) освоены ранее малодоступные источники по общим вопросам теории и практики работы с несовершеннолетними правонарушителями в царской России 1864–1917 гг.; в серии научных статей – отдельные сюжеты создания и функционирования заведений исправительно-воспитательного характера (Лаврентьев, 2010; Никифорова, 2012; Ковтуненко, 2014; Васильева, 2015, Курас, 2015; Фролова, 2015; Хареева, 2016 и др.), роли общественности в профилактике преступности несовершеннолетних (Белянкова, 2010; Беляева, 2015 и др.). На материалах Сибири эта тема остается еще малоизученной, что вызывает потребность ликвидировать территориальные диспропорции в ее изучении, расширить возможности для проведения сравнительных исследований.

4. Результаты

Уникальность выбранного для исследования исторического периода (конец XIX – начало XX вв.) обусловлена его насыщенностью масштабными и трагическими событиями (войны и революции), процессами, имеющими характер цезур, которые несли разрушительные последствия для социальной жизни всех слоев российского общества. В том числе, они негативно отразились на институте семьи, детской беспризорности, изменили ценностные ориентиры, способствовали росту девиации и деструктивного поведения несовершеннолетних. В то время как преступность взрослого населения за 1900–1910 гг. возросла на 35 %, преступность несовершеннолетних – на 111 % (Люблинский, 1923: 19). Можно привести и такие данные: процент юных

преступников с 4,7 в 1913 г. увеличился до 8,6 в 1916 г. (Гернет, 1927: 107). Влияние факторов правонарушений смещалось от социально-психологических в начале XX в. к экономически-социальным и политическим в конце Первой мировой войны (Люблинский, 1923: 104; Миронов, 2013: 35–38). Вполне очевидно, что общество вынуждено было определять позицию относительно воспитания детей и вырабатывать систему мер, направленную на снижение их противоправного поведения. И здесь просматриваются два направления: гуманизация уголовной репрессии и открытие новых учреждений для детей и подростков (см. рис.; составлен по: Красовский, 1900: 7–9; Русское уголовное право, 1902: 1091; Люблинский, 1923: 46–47). Принятое в 1909 г. «Положение о

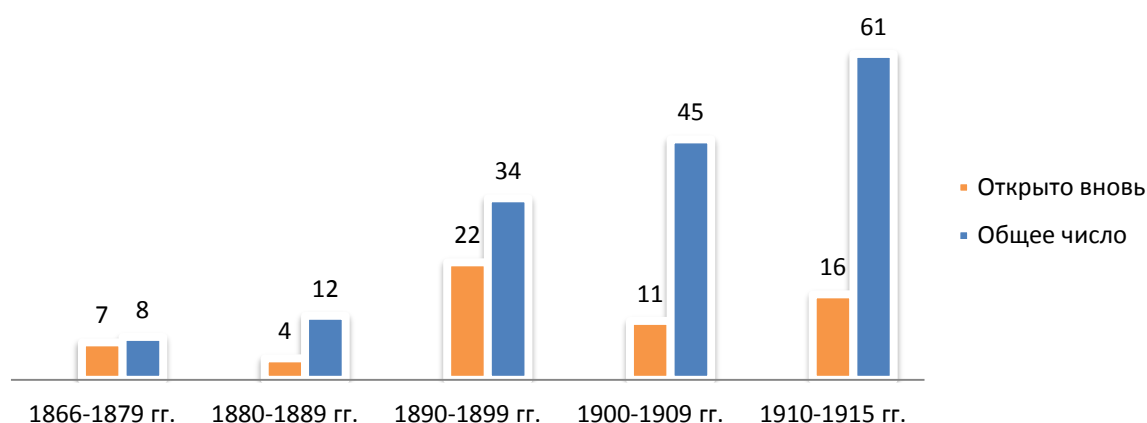

Рис. Динамика численности воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России (1866–1915 гг.)

воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» отражало основные позитивные начала, выработанные отечественной практикой и Съездами представителей русских исправительных заведений, закрепленные в законах (1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг.) об исправительных заведениях и об уголовных наказаниях, применяемых к несовершеннолетним. Для заведений расширялись финансовые и налоговые льготы; приюты и колонии могли принимать подследственных и подсудимых, а по решению комитета Общества, — еще и несовершеннолетних, которые занимались нищенством, бродяжничеством, вели беспризорный или безнадзорный образ жизни, либо

отдавались для исправления родителями (ПСЗ, 1912). Это свидетельствует об осознании государственными и общественными деятелями мер профилактической работы по трем основным направлениям: 1) нейтрализация неблагоприятного социального воспитания, способного детерминировать антиобщественное формирование личности; 2) устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на осужденного, подследственного или подсудимого несовершеннолетнего; 3) осуществление комплекса воздействий, направленных на переориентацию антиобщественно сформировавшейся личности. Но эту деятельность «было бы неверным идеализировать» (Беляева, 2015: 173) прежде всего потому, что ощущался недостаток исправительно-воспитательных заведений: 61 заведение (на начало 1916 г.) удовлетворяло насущную потребность только на 6 % (Люблинский, 1923: 46–47).

На огромной территории Сибири, тесно связанной с уголовной или политической ссылкой Российского государства, первым, документально подтвержденным по времени открытия (28 февраля 1899 г.), стал Иркутский воспитательно-исправительный приют для несовершеннолетних имени П. П. Сукачева (Отчет, 1900: 1); затем (20 ноября 1902 г.) исправительная колония для несовершеннолетних и малолетних преступников в Томске (Отчет, 1904: 2). С началом Первой мировой войны, но не позднее 16 сентября 1914 г. (более точную дату установить не удалось) в Енисейской губернии заработала Красноярская воспитательно-исправительная колония (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 3. Л. 11). Порядок создания таких заведений был следующий. Сначала в административном центре губернии учреждалось Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (томское – в 1895 г., иркутское – в 1898 г., Енисейской губернии – в 1902 г.), которое образовывало подготовительный комитет по устройству заведения. Целью общества провозглашалось открытие отдельно для того и другого пола земледельческих колоний и ремесленных приютов, где несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет могли получить элементарное образование, обучиться практически земледелию, садоводству и

ремеслам для того, чтобы подготовиться к честной трудовой жизни вне заведения. На стадии организации комитеты определяли тип будущего заведения (ремесленный приют или земледельческая колония), систему воспитания (семейную, казарменную, смешанную) и обучения; разрабатывали устав, подбирали персонал (Устав, 1896: 1–2; ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 66–67; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 7). Изучение архивных документов показало, что учредители Общества Енисейской губернии были хорошо знакомы с локальными правовыми актами томского, иркутского и тверского обществ, использовали их положения при проектировании своего устава (ГАКК: ф. 595, оп. 8, д. 5051). Общества имели разный радиус действия: томское охватывало Томскую, Тобольскую, Енисейскую (до 1914 г.) губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую области; иркутское – одноименную губернию, Забайкальскую и Якутскую области. Общество Енисейской губернии действовало в границах одной территориально-административной единицы (Устав, 1896: 1; ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 66; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 7).

Создание Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов было инициировано «сверху»: томского – губернским прокурором А. В. Виттте, Енисейской губернии – супругой начальника края М. И. Плещ и управляющим государственным имуществом губернии, надворным советником А. Ф. Духовичем. Причиной возникновения Иркутского общества стало замечание министра юстиции Н. В. Муравьева (в 1897 г.) прокурору Иркутской судебной палаты А. А. Кобылину по поводу отсутствия в Восточной Сибири «столь полезных и необходимых для края исправительных заведений для несовершеннолетних преступников» (Иркутские губернские ведомости, 1898а: 6). В данном случае наличие осознанной потребности городского общества или его отдельных групп во внимание не принималось (Гаврилова, 2007: 139). «Сценарий» открытия обществ был практически одинаков. По распоряжению генерал-губернатора или губернатора организовывалась инициативная группа, включающая представителей судебного и тюремного ведомств, губернской и городской администрации; привлекалось купечество (как финансовый донор).

Участие в обществе, руководимом начальником края или его супругой, расширяло сферу общественной жизни, было привлекательно по многим причинам. Кроме чувства альтруизма и желания поделиться опытом, знаниями, имели значение и личные цели – упрочение общественного положения, налаживание новых профессиональных и социальных связей, интеграция в местную элиту в интересах собственной карьеры (Катцина, 2011: 99). Так, в комитет Томского общества «вошел почти весь состав судебного и тюремного ведомств» (Д., 1897: 232). Комитет Общества Енисейской губернии комплектовался из лиц, выбранных учредителями, а так же назначенных «по должности». Таким образом, в него вошли: городской голова Н. А. Шепетковский, золотопромышленник П. К. Гудков, горный инженер Г. Ю. Стемпневский, товарищ председателя Красноярского окружного суда В. С. Могучий; председатель (Н. П. Ераков) и прокурор (Ф. И. Подольков) Красноярского окружного суда, губернский тюремный инспектор Н. А. Ласкарев; священник отец И. Рязанский, неперменный член губернского по крестьянским делам присутствия В. И. Новаков, частный поверенный Ф. Ф. Филимонов (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1, 1об., 11; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 57–57 об.).

К участию в делах обществ привлекались лица обоего пола, любого состояния и звания, кроме, как пояснялось в уставе Общества Енисейской губернии, несовершеннолетних (исключая имеющих классные чины); учащихся учебных заведений; нижних чинов и юнкеров, состоящих на действительной военной службе; лиц, ограниченных в правах по суду и состоящих под надзором полиции (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 67). Статус членов обществ (почетные, действительные, соребнователи, неперменные) зависел от личного вклада, размера пожертвования или членского взноса.

Ключевым моментом для реализации цели того или иного общества являлся вопрос обеспечения потребности в финансовых и материальных ресурсах. Уставы обществ предусматривали широкий круг возможных источников получения средств: ежегодные членские взносы; единовременные

пожертвования; сборы от устраиваемых в пользу общества концертов, спектаклей, литературных чтений, выставок и т. п.; плата родителей и опекунов за содержание в колонии их детей «неодобрительного поведения»; отчисления в установленном размере денежных сумм, предназначенных на устройство мест заключения; казенные пособия (на одежду, питание, медикаменты) на каждого воспитанника заведения; доходы от продажи произведений хозяйства и мастерских заведений. Такая комбинированная система, несмотря на сложность задачи финансового обеспечения, имела преимуществом отсутствие привязанности к единственному источнику, возможность мобилизации местных ресурсов. Исследуя финансово-хозяйственное обеспечение исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи, И. А. Никифорова отметила сокращение удельного веса поступлений финансов от казны, правительственных и общественных учреждений: от 44,4 % в 1880–1890 гг. – до 36,6 % в 1905 г. (Никифорова, 2012: 152). В финансовой структуре Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии (по данным на 01 мая 1903 г.), доля ведомственных поступлений составляла 58,42 %, доходов от публичных концертов – 18,66 %, членских взносов – 12,23 %, пожертвований – 9,10 %, процентов с капитала и операций с ценными бумагами – 1,59 % (подсчитано по: ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11 об., 12). Высокий процент ведомственных поступлений мог ослаблять общественное содержание и направленность услуг общества. Дискуссии о возможности и целесообразности опоры частных благотворительных обществ на государственные ресурсы велись в начале XX в. Высказывалось мнение, что «воспитание преступной молодежи, как требующее крайней индивидуализации обращения, должно быть отдано в руки частных обществ, ...а средства... должны быть даны правительством» при сохранении за последним права постоянного контроля над исправительными учреждениями (Бать, 1900: 13).

Формирование недвижимого имущества приютов и колоний, происходило по-разному. Для томской колонии был выделен казенный участок земли (более

319 га) в 5 верстах от города, а на постройку здания император Николай II бесплатно предоставил 10 280 бревен на сумму 4 440 руб. (Д., 1897: 233). Под приют в Иркутске приспособили жилые и хозяйственные постройки, которые с земельным участком пожертвовал городской голова В. П. Сукачев с условием, что заведение будет носить имя его отца П. П. Сукачева. Дополнительно Сукачев выделил еще 10 тыс. руб. на обустройство приюта; городские власти – участок земли (Иркутские губернские ведомости, 1898а: 6–7). Из-за недостатка средств Общество Енисейской губернии длительное время не могло обустроить здания, пожертвованные под колонию присяжным поверенным С. В. Рогальским, а красноярская городская дума со своей стороны затягивала решение о безвозмездном отводе земельного участка. Слабые возможности для устройства заведения представляли здания упраздненных (в связи с отменой ссылки в 1900 г.) Кускунского этапа и Рыбинского полуэтапа, а также участок земли Кускунской конвойной команды, переданные Обществу тюремным ведомством и министерством земледелия и государственных имуществ по ходатайству М. И. Плещ (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11–12). Кроме того, здания требовали ремонта, охраны, что обществу, при его скромных ресурсах, «обходилось в копеечку».

Во многом успешность Общества зависела от известности и благоприятного имиджа, личности руководителя, активности по привлечению средств. О томском Обществе современник писал: «Это общество при самом возникновении своем, возбудило сочувствие к себе многих лиц. В настоящее время в кассе общества уже есть крупное пожертвование: душеприказчика купца [А. В.] Соколова – 10 тыс. руб. и значительные суммы, собранные в пользу общества русскими торговыми фирмами в Ханькоу» (в Китае). Капитал общества к 1 марта 1897 г. составил 21 204 руб. 31 коп. (Путеводитель, 1898: 56–57). В целях расширения ресурсной базы, общества применяли различные способы информирования населения о своей деятельности: печатали воззвания и статьи в местных газетах, рассылали письма и книжки для сбора пожертвований в различные инстанции и лицам, известным своей

благотворительностью. Так, после обращения Томского общества (31 марта 1898 г.) к прокурору Красноярского окружного суда, коллежскому советнику Д. В. Малинину, в общество записался и сам прокурор, и еще 6 служащих по министерству юстиции в Енисейской губернии ([ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1845. Л. 2–2об., 9–10](#)). Газета «Иркутские губернские ведомости» 8 апреля 1898 г. опубликовала внушительный список жертвователей (277 человек), имеющих право на звание членов Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Среди них – торговые дома в Монголии и Китае «Н. Н. Шульгин», «[М. А.] Коковин и [И. А.] Басов», «М. Д. Батуев и К^о», жители Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областей, и даже Житомира (А. А. Шубович), Харькова (Е. И. Кукель). Наличный капитал Общества на 21 марта 1898 г. составил 9 068 руб., 82 коп. ([Иркутские губернские ведомости, 1898b: 6–8](#)). Примечательно, что и в Томске, и Иркутске большую организационную работу по устройству обществ и исправительно-воспитательных заведений провел Альфонс Васильевич Витте.

Более скромной оказалась работа учредителей Общества Енисейской губернии. С 19 мая 1902 г. по 01 мая 1903 г. им удалось привлечь 76 новых членов, собрать из разных источников сумму 6 269 руб. 27 коп. ([ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4–8 об.](#)). Но уже в мае 1903 г., после отъезда из Красноярска М. И. Плещ, работа общества фактически была прекращена. Кроме смены руководства причины видятся также в утрате чувства «новизны» дела. Упадок интереса к обществу со стороны городского обывателя выразился в сокращении поступлений членских взносов в 2,6 раза уже к началу 1904 г.; отсутствии пожертвований, убыли численного состава. К слову, процесс снижения численного состава со временем был характерен практически для всех общественных объединений Сибири имперского периода. Например, в Томском обществе земледельческих колоний и ремесленных приютов число участников с 1901 г. по 1914 гг. сократилось в 7,4 раза (подсчитано по: [Отчет, 1902: 8–14; Отчет, 1915: 34–36](#)). Революционный процесс, который охватил Енисейскую губернию в 1905–1907 гг., сказался на росте преступности

несовершеннолетних. Число осужденных несовершеннолетних в 1906 г. увеличилось в 2 раза по сравнению с 1905 г.; при этом доля подростков, отбывающих наказание в губернских тюрьмах по государственным преступлениям, составила 42,3 % (подсчитано по: ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об.). Поэтому вопрос о возобновлении деятельности Общества Енисейской губернии вновь приобрел актуальность. Однако из архивных документов следует, что до октября 1913 г. «общество существовало на бумаге» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 137). Лишь в условиях напряжения Первой мировой войны, оно открыло колонию для несовершеннолетних.

5. Заключение

Особенностью развития Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов стало их позднее появление в сибирских городах, инициация «сверху», полубюрократический состав учредителей. Деятельность обществ во многом зависела от понимания важности задач исправительного воспитания, наличия достаточных материальных и людских ресурсов, социального доверия граждан, налаженного диалога и сотрудничества с властями, личности руководителя, известности и благоприятного имиджа, активности по привлечению средств. Поэтому период между организацией Общества и открытием приюта (колонии) занял разное время: в Иркутске полгода, в Томске – 8 лет, в Красноярске – более 10 лет. Оценивая деятельность Обществ в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом как необходимую и положительную, отметим, что ни одно из них не реализовало свои амбициозные намерения – открыть сеть исправительно-воспитательных заведений. Содержание многокомплектных заведений было для обществ обременительным, поэтому заведения открывались на 15–25 человек; вне их заботы оставались несовершеннолетние женского пола.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Красноярского края в рамках научного проекта № 16-11-24002 «Революционная Россия: смена модели и

практик социальной помощи в первой четверти XX века (на материалах Восточной Сибири».

Литература

[Бать, 1900](#) – *Бать А.Г.* К вопросу о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. Казань, 1900. 16 с.

[Беляева, Фельдштейн, 2007](#) – *Беляева Л.И., Фельдштейн Д.И.* Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. В 3-х частях. Ч. 1. М.; Воронеж, 2007. 400 с.

[Беляева, 2015](#) – *Беляева Л.И.* Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола. Вып.6. /ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск, 2015. С. 173-177.

[Белянкова, 2010](#) – *Белянкова Е.И.* Роль общественности в педагогической профилактике преступности несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX– начале XX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 236-246.

[Васильева, 2015](#) – *Васильева С.А.* Первый исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних в Рязанской губернии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 11 (162). С. 2-6.

[Гаврилова, 2007](#) – *Гаврилова Н.И.* Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-ой половины XIX века: проблемы реализации социальных ожиданий // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2005/2006. СПб., 2007. С. 135-146.

[ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.

[Гернет, 1927](#) – *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927. 270 с.

[Д., 1897](#) – *Д. Д.* Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 6. С. 231-233.

[Иркутские губернские ведомости 1898a](#) – Иркутские губернские ведомости. 1898. 1 апреля. 8 с.

[Иркутские губернские ведомости 1898b](#) – Иркутские губернские ведомости. 1898. 8 апреля. 10 с.

[Катцина, 2011](#) – *Катцина Т.А.* Финансовые основы частных благотворительных обществ Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 2. С. 98-102.

[Ковтуненко, 2014](#) – *Ковтуненко Л.В.* История становления и развития воспитательных учреждений для несовершеннолетних в России // Инновационный вестник регион. 2014. № 4. С. 83-88.

[Красовский, 1900](#) – *Красовский М.И.* Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних: с приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. 219 с.

[Курас, 2015](#) – *Курас С.Л.* Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. С. 185-188.

[Лаврентьев, 2010](#) – *Лаврентьев М.В.* Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // История государства и права. 2010. № 12. С. 35-38.

[Люблинский, 1923](#) – *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. 300 с.

[Миронов, 2013](#) – *Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29-39.

Никифорова, 2012 – Никифорова И.А. Финансово-хозяйственное обеспечение деятельности исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX– начала XX веков // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 150-154.

Отчет, 1900 – Отчет о деятельности Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1899 г. Иркутск, 1900. 22 с.

Отчет, 1902 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1901 г. Томск, 1902. 22 с.

Отчет, 1904 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1902 г. Томск, 1904. 20 с.

Отчет, 1915 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [за 1914 г.]. Томск, 1915. 36 с.

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 319-333.

ПСЗ, 1912 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. СПб., 1912. № 31727. С. 261-266.

Путеводитель, 1898 – Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий / [сост.] В. А. Долгоруков. Томск, 1898. 569 с.

Русское уголовное право, 1902 – Русское уголовное право. Лекции Н. С. Таганцева. Издание 2-е, пересмотр. и доп. Часть общая. Т. II. СПб., 1902. С. 822-1460.

Синова, 2012 – Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX веков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana) . 2012. № 1. С. 55-59.

Тебиев, Коркищенко, 2005 – Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность

по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века; изд. 2-е, исправ. М., 2005. 139 с.

[Устав, 1896 г.](#) – Устав Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Томск, 1896. 22 с.

[Фролова, 2015](#) – *Фролова И.В.* Исправительные учреждения и воспитательные приюты для детей во второй половине XIX – начала XX вв. (на материалах Новгородской и Псковской губерний) // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал*. 2015. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271>

[Хареева, 2016](#) – *Хареева О.В.* История создания и деятельности курской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних преступников мужского пола (вторая половина XIX – начало XX века) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* 2016. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf>

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, 2010. XI, 395 s.

References

УДК 94:364-78(571.1/.5) «18/19»

Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.): реализация социальных ожиданий

Татьяна Анатольевна Катцина^a

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina)

Статья посвящена проблеме профилактики несовершеннолетних правонарушителей и участию общественности в этом процессе. Объектом изучения являются Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов сибирских городов (Томска, Красноярска, Иркутска) конца XIX – начала XX вв. С привлечением научной и публицистической литературы, документов из государственного архива Красноярского края анализируются действия обществ, направленные на учреждение исправительно-воспитательных заведений для детей и подростков, вступивших в конфликт с законом. Определены и проанализированы источники финансирования, численный и социальный состав обществ, показаны их слабые и сильные стороны. Детерминанты общественной деятельности рассмотрены через систему индивидуальных характеристик личности, должностную позицию, материальное положение. При оценке роли обществ в профилактике правонарушений несовершеннолетних, в целом как необходимой и положительной, отмечены факторы, значительно снижающие их возможности.

Keywords: Сибирь, Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, профилактика правонарушений несовершеннолетних, исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних.